

АРМЯНСКОЕ НАГОРЬЕ В ПУТЕВОЙ ПРОЗЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Анализируется путевая проза А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина и Е. Е. Лачинова, написанная ими во время пребывания на Кавказе — Армянском нагорье. Отмечается, что приводимые ими сведения об этнографии рассматриваемой территории отличаются достоверностью и глубиной знания. Показана важность путевой прозы русских писателей для удлинения рядов наблюдения за природными явлениями, привлечения ее при изучении этнополитических особенностей Армянского нагорья начала XIX в.

The travel prose written by A. S. Griboyedov, A. S. Pushkin, and E. E. Lachinov during their stay on the territory of the Armenian Plateau. It is pointed out that the evidence they report on the ethnography of the territory under consideration is noteworthy for authenticity and in-depth knowledge. It is highlighted that travel prose by Russian writers is of importance in extending the series of observations of natural phenomena and for invoking it in the study of the ethnopolitical characteristics of the Armenian Plateau dating to the beginning of the 19th century.

В изучение природы Армянского нагорья значительный вклад внесли русские писатели, путешествуя здесь и отразившие свои впечатления в записках, письмах, дневниках, заметках, очерках, получивших название путевой прозы. Путевая проза ценится высоко, ее изучают и публикуют в научных и литературных сборниках. Более того, в XIX в.—начале XX в. (в связи со сложившимися на Армянском нагорье границами) она становится важным и достоверным источником сведений по этногеографии рассматриваемого региона.

В этом отношении выделяются произведения А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина и Е. Е. Лачинова. В них содержатся сведения о состоянии погоды и других динамичных процессах в ландшафтах, мало используемые не только в школах при изучении географии родного края, но и в научной литературе, хотя они имеют важное научно-прикладное значение для увеличения и систематизации рядов наблюдений за явлениями природы, реконструкции состояний погоды и ландшафтов при отсутствии инструментальных данных. С этой точки зрения очень ценны указания на характеристики температурно-влажностного режима различных регионов Армянского нагорья — «сильный дождь», «дождь с градом» и др. Так, Е. Е. Лачинов [1] отметил необычно холодную погоду в Эчмиадзине 20—23 августа 1827 г.

Представляют ценность размышления этого автора о разнообразии климата в горах. Проезжая по северным районам Армении, он пишет: «Есть места, где почти не знают ненастной осени, где зимние месяцы дышат началом весны, которая в феврале открывается и скоро является со всеми прелестями своими; но наступает лето, и жители со стадами, избегая жаров убийственных, удаляются на возвышенности, где климат подходит к климату средней России, а местами равняется с северной полосой оной. Сия многообразная постепенность, соединенная на близком расстоянии, производит различие в произведениях природы...» [1, с. 53]. Это одно из первых в России описаний вертикальной поясности в горах.

Подробную характеристику сезонов года можно считать первым научным описанием в русской литературе сезонной динамики природных явлений на территории Армении. В межгорных котловинах можно в один и тот же момент наблюдать не один, а два сезона и более: «Здесь же (в Лорийской котловине. — В. Х.) на одном переходе в горах часто встречаешь и прелестную весну, и палящее лето, и суровую осень» [Там же, с. 54]. Таким образом, фактически одновременно выделяются три сезона года, что позволяет подойти к определению фенорадиентов.

В Лорийской котловине, о которой идет речь, «в апреле только распускаются леса, и чем выше расположены они, тем позднее одеваются, — странно видеть нижнюю половину Безобдала, украшенную зеленью и цветом, тогда как к вершине стоящие деревья покрываются листьями не прежде мая...» (с. 54). При сравнении с многолетними данными выявляется, что в Степанаване (у подножия Базумского хребта) распускание листьев наблюдается в середине апреля, а у верхней границы леса, на Пушкинском перевале (2038 м) деревья стоят еще голые, и лес здесь проходит эту фенофазу лишь в середине мая, т. е. через 30–35 дней. Следовательно, феноградиент составляет около пяти дней на 100 м, с чем совпадают и сведения Е. Е. Лачинова.

Сезонные явления подробно описывает и А. С. Грибоедов, фактически использовавший понятие «аспект ландшафта», т. е. изменение цвета территории по сезонам года: «...осенью вид всего этого прескверный. Я бывал в сентябре — все сухо, вяло, желто, черно» [2, с. 439]. В сентябре на Шарурской равнине, о которой идет речь, температура воздуха составляет 20–22 °С, осадков выпадает очень мало (около 10 мм), наблюдаются теплые и жаркие семиаридные и аридные состояния погоды, характеризующиеся отсутствием многообразия красок и преобладанием желто-бурых аспектов местности.

А. С. Грибоедов, а вслед за ним и Е. Е. Лачинов, впервые описали горно-долинные ветры в Ереване, известные под названием «бойрац». Во время этих ветров в Ереване вплоть до 1950-х гг. во второй половине дня все покрывалось пылью, что и послужило основанием лесопосадок на горах, окружающих город. Писатель отметил, что питьевой водой Ереван снабжался (как и до сих пор) из родников Акунка, вода которых славится своими вкусовыми качествами. Для питья использовалась также и артезианская вода. Так, в Сардарapatской «крепости есть 80 глубоких колодцев, имеющих воду солоноватую и потому нехорошую для употребления» [1, с. 95–96].

Важный момент путевых заметок А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина и Е. Е. Лачинова — характеристика не только отдельных компонентов ландшафтов, но и ландшафтов в целом. Так, по А. С. Грибоедову, в окрестностях р. Храми, в «диких, снегом занесенных степях...» [2, с. 439] действительно распространены равнинно-холмистые и низкогорные сухостепные и засушливые степные семиаридные ландшафты. В долине р. Агстев А. С. Грибоедов описывает горные леса и сравнивает их с аналогами на Большом Кавказе, что вполне допустимо.

А. С. Пушкин, говоря об Армении, в своем «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» [3] часто использует слова «пустыня», «пустынный». Понятно, что он имел в виду пустыню не в экологическом (ландшафтном) значении, а в смысле разоренности, безлюдности. При спуске с гор «к свежим долинам» [Там же, с. 388] поэт радовался уменьшению зноя, сочным влажным степям и лугостепям Лорийской котловины. Однако наблюдавшееся безлюдье послужило основанием назвать местность «цветущей пустыней». Тем более, что чуть ниже автор пишет: «Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землей, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу» (с. 390).

Здесь речь идет о Памбакской котловине — известной житнице Армении, слава которой, особенно Ширака, шагнула далеко за ее пределы. Трудно точнее описать ландшафты Лорийской, Памбакской и Ширакской котловин древней Армении. Нам представляются степи и лугостепи, превращенные в пашню. Лесные ландшафты поэту встретились на Базумском (Безобдальском) хребте, в Соганлугских (Мецрацких) горах. В последнем случае — это известный сосновый лес в окрестностях Сарыкамыша, в верховьях р. Карс.

Ландшафтное разнообразие Армянского нагорья особенно детально характеризует Е. Е. Лачинов, отмечавший, что дорога «спускается с возвышенности по грунту бесплодному, поросшему колючками и мелким полынем...» [1, с. 55]. Это полупустынные ландшафты с бурыми полупустынными сильнокаменистыми почвами и астрагалово-полынной растительностью, характерные для засушливого климата, и этим они в значительной степени отличаются от других ландшафтов. Термическая граница между ними, верно проводимая Е. Е. Лачиновым по Егвардскому плато, выражает также и ландшафтную границу — переход от полупустынь к степям в пределах Араратской котловины.

В целом Араратская котловина в отличие от Лори-Памбака характеризуется безлесьем. Эту особенность внутренних, а точнее, вулканических районов Армянского нагорья подметил и Е. Е. Лачинов, в частности пишущий, что «онье (т. е. леса. — В. Х.) вновь исчезают за Безобдалом, только изредка попадают взору, венчая вершины гор. Карни-ярех (ныне Араилер. — В. Х.) покрыт лесом, но оный далеко от дороги» [1, с. 55]. Леса встретились этому автору в основном в районе Апарана, в окрестностях Бюракана, на горе Араилер, на отрогах Цахкунянского хребта и на Малом Арарате (Сисе).

Большую ценность для изучения динамики ландшафтов и их антропогенных изменений представляют сведения Е. Е. Лачинова о горе Араилер. В наши дни южные каменистые предгорья интенсивно осваиваются, они заняты яблоневыми садами и пашней, в начале же XIX в. Араилер был «покрыт лесом, но оный далеко от дороги» [1, с. 55]. Сейчас лес отступил уже и с нижней части склонов, а с юга, юго-запада и юго-востока он сохранился лишь у самой вершины по небольшим ущельям.

Географическое описание Армянского нагорья в путевой прозе включает не только описание рельефа, погоды и климата, но также и использование территории, рек и родников, расположение населенных пунктов и основных транспортных путей в зависимости от условий местности, что свидетельствует о глубоком понимании авторами записок, особенно А. С. Грибоедовым и А. С. Пушкиным, политической географии и геополитики, учитывающими как природные, так и социально-экономические и политические факторы.

Талант геополитика, человека, понимающего значение территории и ее границ, проявил А. С. Грибоедов при заключении Туркманчайского мирного договора, по которому к России отошли Эриванская и Нахичеванская области, так как при «окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаляем наши пределы и вместе с тем неприятеля, который отважился переступить их. Вот отчего в настоящем случае требуется уступка областей Эриванской и Нахичеванской» [2, с. 551–552]. В связи с этим хотелось бы напомнить о традиции участия географии в государственной политике стран. Ярким примером такого государственного подхода и является деятельность А. С. Грибоедова на Кавказе, в результате которой он приобрел репутацию человека, хорошо разбирающегося в межнациональных отношениях.

Другой пример — глубокое понимание А. С. Пушкиным значения географического положения Арзрума. Город Арзрум (ныне Эрзурум, известен также как Карин и Феодосиополь) — один из древних городов Армении — находится на левом берегу р. Евфрат, на Эрзурумском плато, на северо-западных склонах хр. Палантекян на высоте 1960 м (у Пушкина — 7000 футов, что соответствует 2135 м, т. е. на 173 м выше). История основания города относится к ранне-средневековому периоду, когда в 421 г. по приказу византийского императора Феодосия Второго военачальником Анатолием была построена известная цитадель [4].

Арзрум был главным городом азиатской Турции и важным политико-административным центром с удобным стратегическим положением. Численность населения составляла 100 тыс. чел., хотя эта цифра вызывала сомнение у А. С. Пушкина (до массовой миграции населения в 1829 г. здесь проживало не менее 130 тыс. чел. [4]). Город имел ярко выраженный восточный вид, что особенно бросалось в глаза при сравнении со Стамбулом. В то время Арзрум находился в центре Османской империи, имел выгодное экономико-географическое положение и был мало подвержен европейскому влиянию. А. С. Пушкин одним из первых предсказал перенос столицы Турции из Стамбула в глубь страны. Это предвидение, как известно, осуществлено Кемалем Ататюрком, который в первой четверти XX в. перенес столицу Турции из Стамбула в Анкару.

В русской путевой прозе довольно подробно описываются отдельные регионы Армянского нагорья, такие как Лори-Памбак, Джавахетия (Джавахк), Арагацкий массив, Карсское плоскогорье, верховье р. Евфрат и, конечно, гора Арарат (Масис), детальное описание которой можно найти у А. С. Грибоедова и у Е. Е. Лачинова. Велико было желание увидеть Арарат и у А. С. Пушкина, который за библейскую гору принял Арагац. Тем не менее это не помешало великому поэту живописно и красочно выразить свое отношение к Арарату — символу «жизни» и «обновления».

Анализируя путевую прозу русских писателей, необходимо отметить и такой важный момент, как составление комментариев к ней, выполненное обычно филологами, литературоведами или историками, что не может не сказаться на качестве и точности объяснений, касающихся географии: названий, местоположений гор, рек, перевалов и других объектов природы. В них полностью отсутствуют толкования тех или иных описываемых ландшафтных особенностей. Иногда допускаются очень грубые ошибки, которых можно было бы избежать при соответствующих консультациях с географами. В то же время, изучая путевую прозу русских писателей, особенно периода доинструментальных наблюдений за явлениями природы, особое внимание необходимо уделять этим текстам как источнику сведений о ландшафтах, их изменениях, этногеографии Армянского нагорья и в школьных программах, и в научных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дневники* и записки Е. Е. Лачинова // Декабристы об Армении и Закавказье / Сост. и ред. М. Г. Нерсисян. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1985. — Ч. 1.
2. *Грибоедов А. С.* Сочинения / Вступительная статья, комментарии, составление и подготовка текста С. А. Фомичева. — М.: Худож. лит., 1986.
3. *Пушкин А. С.* Сочинения. В трех томах. — М.: Худож. лит., 1986. — Т. 3.
4. *Акопян Т. Х.* Города исторической Армении. — Ереван: Айастан, 1987.

ООО «Тойлэнд»,
Москва

Поступила в редакцию
17 января 2005 г.